

Многие художники обладают так называемыми странностями: одни пишут картины, сидя в ванне, другие размышляют, запершись в шкафу, третьи возбуждаются от запаха собственных нечистот, а кто-то ищет успокоения, сбрасывая нервное напряжение через женщин...

Конечно, подобные причуды свойственны не только людям искусства.

Сюй Имин, когда входил в раж во время работы, имел привычку отбрасывать в сторону всё, что его стесняло, — так он глубже погружался в собственный мир.

Цзян Юй стоял за спиной мужчины и, следя за движением его кисти, смотрел на холст, уже заполненный множеством красок. На серо-черном фоне сидел на земле бледный, обессиленный юноша. Ярко-алая кровь выглядела застывшей, но казалось, будто от нее исходит отчетливый запах железа.

Он впервые наблюдал за процессом создания картины, и это было потрясающе, ошеломляюще.

Стоило в голове прозвучать сигналу обратного отсчета, как Цзян Юй почувствовал себя тетивой натянутого лука: он был на пределе, готовый в любой момент сорваться.

Он протянул руку и кончиком указательного пальца провел по рельефным мышцам руки мужчины — движение было легким, небрежным, почти случайным.

Кончик кисти, замерший у уголка губ юноши на холсте, резко дернулся. Высочайшая концентрация внимания Сюй Имина была внезапно прервана этим легким, едва ощутимым прикосновением. Он уставился на человека, появившегося словно из ниоткуда. Его взгляд был холодным, в нем проскальзывало нечто пугающее.

Это было совсем не похоже на ту обычную, вежливую маску, которую он носил.

— Дверь была не заперта, — невозмутимо объяснил Цзян Юй.

Сюй Имин был целиком поглощен своим произведением, поэтому не видел ничего предосудительного в том, что обнажен перед юношей, и даже не подумал спрашивать, зачем тот пришел. Он опустил голову, снова обмакнул кисть в краску и прохрипел голосом, севшим от долгого молчания:

— Уходи.

Но уходить он уже не мог.

Цзян Юй чувствовал себя так, будто его поглотил язык пламени. Подобно жаждущей рыбе, он схватился за подлокотники кресла и, подавшись вперед, поцеловал Сюй Имина.

Влажный и мягкий язык юноши проник внутрь, бесцеремонно исследуя полость рта мужчины. Искусные, дразнящие движения выдавали в нем опытного любовника.

Дорогая кисть выпала из рук Сюй Имина. Выйдя из оцепенения, он схватил Цзян Юя за волосы и рывком вытянул его из-за спинки кресла, поставив перед собой. В его глазах вспыхнул гнев.

— Что ты творишь?

— Целую тебя, — Цзян Юй провел языком по губам, смакуя чужой вкус. Неплохо.

На эти небрежно брошенные слова Сюй Имин ответил лишь тогда, когда заметил, что юноша одет в самую яркую из всех его рубашек — синюю, а из-под ее подола виднеются ноги с несколькими шрамами, и под рубашкой на нем больше ничего нет.

Он приоткрыл рот, усмехнувшись:

— Му Шаоцин, ты понимаешь, насколько опасно то, как ты сейчас выглядишь?

Цзян Юй бесцеремонно пожирал глазами тело мужчины. Уголки его губ дрогнули в усмешке:

— Я видел, как Му Сыфань мастурбировал, выкрикивая твое имя. В тот момент я подумал...

Вторая половина фразы потонула в охватившем их дыхании.

Внешне все величали Сюй Имина благородным мужем, но на деле он таковым не являлся. Люди любят погружаться в собственные фантазии — так почему бы не подыграть им?

Юноша, чьи губы и язык сейчас сплелись с его собственными, успешно разжег в нем потребность. Взгляд Сюй Имина потемнел; он прижал юношу к себе, проводя рукой по его телу всё выше и выше. Он прекрасно понимал, что происходит: уровень гормонов в его крови стремительно рос.

Цзян Юй, не меняя позы, продолжал подаваться вперед, его язык кружил во рту Сюй Имина, пробуждая нечто, таившееся глубоко в крови.

Он давно вождедел этого мужчину — возможно, с самой первой встречи, а может, с того момента, когда увидел его в профиль, стоящим у стены с сигаретой.

Сплетенные языки смешивали их слюну. Внезапная, всепоглощающая пустота, навалившаяся со всех сторон, становилась всё отчетливее. Цзян Юй отчаянно жаждал, чтобы ее чем-то заполнили. Его лицо внезапно исказилось от резкой перемены в ощущениях.

Он с силой оттолкнул Сюй Имина и, опустив голову, тяжело дышал, сжимая кулаки так, что на руках вздулись вены. Его аура стала пугающей, словно его окатили с головы до ног ледяной водой.

С пнув в сторону коробку с красками, Цзян Юй попытался в смятении броситься к выходу, но после второго же шага мощный рывок вернул его назад. У самого уха прозвучал голос мужчины, уже полный желания:

— Му Шаоцин, ты сам напросился, а теперь хочешь сбежать?

Под помятой рубашкой грудь Цзян Юя тяжело вздымалась. Сквозь зубы, сдерживая что-то внутри, он прохрипел:

— Отпусти.

Сюй Имин, чьи нервы были предельно обнажены, уловил этот тон. Он прищурился, а затем его прохладные пальцы скользнули под рубашку юноши.

Тело, уже охваченное огнем, сгорело дотла под этим прикосновением. Рассудок был окончательно повержен. Цзян Юй вцепился в запястье мужчины и снова прильнул к нему — хищно, грубо, выплескивая накопившееся напряжение.

В студии раздавались звуки опрокинутых рам, жар тел, трущихся друг о друга, и сдавленные стоны удовольствия.

Цзян Юй полуприкрытыми глазами смотрел на длинные, сильные пальцы мужчины. Быть может, оттого, что он только что видел, как эти руки создавали шедевры, в нем возникло чувство триумфа от того, что он собственноручно низверг творца с пьедестала. Он не выдержал и, дрожа, достиг разрядки.

Впервые так близко соприкоснувшись с чем-то подобным, он не почувствовал отвращения — лишь странное замешательство. Сюй Имину казалось, что его расшатанные нервы уже не придут в норму.

Вытерев руки о брошенный на пол холст, Сюй Имин прижал Цзян Юя к креслу и растерел остатки смазки по своему напряженному естеству.

— Дзынь. Номер 000 предоставил пакетик с «Духом хризантемы». Господин Цзян непременно воспарит высоко. Желаю приятного времяпрепровождения.

Цзян Юя затрясло от ярости, лицо его помрачнело. Сюй Имин, стоявший позади, решил, что тот жалеет о случившемся и снова хочет сбежать, поэтому сразу перешел к решительным действиям.

— Черт, не в этой позе, а-а... — Цзян Юй издал дрожащий крик. Его охватил первобытный ужас.

Раньше он всегда был тем, кто берет, а теперь, когда роли поменялись, ощущения напоминали пытку тысячами муравьев, пожирающих его изнутри.

Он не знал, что это за «Дух хризантемы», но боль быстро отступила, вытесненная иными чувствами. Это заставило его судорожно вцепиться в Сюй Имина — воля больше не могла контролировать происходящее.

Сюй Имин был здоровым мужчиной с естественной сексуальной ориентацией. Он ценил привлекательных мужчин и не раз испытывал к ним влечение. Среди его моделей были и изящные, словно фарфоровые куколки, юноши, которых хотелось уничтожить, сломать, и чистые, красивые парни, чей мир хотелось выкрасить в темные тона.

Под его руководством они принимали любые беззащитные позы, мастурбировали перед ним, выкрикивая его имя, — в их глазах читалось обожание, столь очевидное, раболепное и набожное. Но им всем не хватало того самого импульса, который заставил бы его забыть обо всем, чтобы разобрать их на части и слиться воедино.

Секс для него был не просто разрядкой, а наслаждением — тем, чего он жаждал всей душой.

Ощущения — удивительно емкое понятие. Ради них можно идти напролом, а можно отбросить все оковы и упасть в бездну.

— Впервые?

Цзян Юй издал болезненный стон. Влажные пряди волос полностью скрыли выражение его лица.

— У меня тоже, — Сюй Имин прижался губами к его уху, опалая горячим дыханием, и в его голосе слышалась хриплая усмешка.

Цзян Юй лежал на кресле, опустив голову, его плечи непрерывно вздрагивали. Капля пота скатилась по веку и с тихим хлопком упала на пол.

В больших рамах по обе стороны от них были изображены темные темницы и цепи, создавая пугающую иллюзию, будто он находится в заточении и терпит надругательства.

Неизвестно, сколько прошло времени. Студия наполнилась запахом пота, мужским ароматом и звуками влажной борьбы.

Сюй Имин, стоявший на полусогнутых ногах, крепко обхватил извивающуюся перед ним тонкую талию, плотно притираясь и яростно двигаясь. Глядя на спину юноши, покрытую испариной, он внезапно захотел попробовать ее на вкус.

К тому моменту, как он осознал это, его губы уже коснулись кожи, впиваясь в выступающий позвонок и двигаясь вдоль него.

Цзян Юй глухо застонал. Он повернул голову — в его черных, сияющих глазах пылал огонь, а лицо, влажное от пота, было искажено яростью.

— Кто позволил тебе остановиться?

<http://bllate.org/book/25413/3029633>